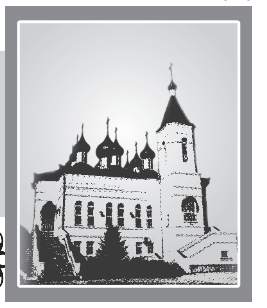
Еженедельное издание церкви Покрова Пресвятой Богородицы г. Тирасполь №36 (376) 3 сентября 2016 г.

ПОКРОВСКИЙ ЛИСТОК



Слово пастыря

Закон Божий с протоиереем Андреем Ткачевым. Беседа 21-я. Иерархия.

Приветствую вас, дорогие боголюбцы!

У Достоевского (кажется, в романе «Бесы») есть такая реплика одного из персонажей: «Если Бога нет, то какой же я штабс-капитан?» Такая парадоксальная, дзен-буддистская даже фраза, открывающая сознание, говорит о следующем: штабс-капитан – это человек, который не начинает и не заканчивает военную иерархию; под ним есть меньшие чины, над ним есть большие чины, над большими чинами – еще наибольшие, а над всеми чинами в государстве есть царь, над царями же есть Царь царей – Господь Бог. Вот такая стройная цепочка, и если ее разрушить, вот и выйдет: какой же я штабс-капитан?! И если нет Бога, нет ни отца, ни матери, ни начальника, ни подчиненного, то это некое общее месиво всех против всех, восставших, считающих себя абсолютно равными.

На самом деле в мире равенства нет. Это очень важная идея, ее следует хорошо усвоить. Итак, если Бога нет, какой же я штабс-капитан? Это хорошо знал римский сотник, который попросил Господа исцелить его отрока. Господь сказал ему: «Я приду и исцелю», и тот ответил: «Господи! я недостоин, чтобы Ты вошел под кров мой, но скажи только слово, и выздоровеет слуга мой; ибо я и подвластный человек, но, имея у себя в подчинении воинов, говорю одному: пойди, и идет; и другому: приди, и приходит; и слуге моему: сделай то, и делает…» (Мф. 8, 8-9). В этих словах сотник исповедует следующее: я подвластный человек, я не самый главный, надо мной есть начальники, но я тоже некий начальник, и мои подчиненные слушаются меня. А при чем тут Христос? А при том, что сотник видит во Христе Того, Кого слушаются все. Христос – начальник иерархии, Он во главе всего, и, по мысли сотника, если уж его, сотника, слушаются беспрекословно, то Ты, Господи, только скажи слово – и исцелится отрок. Сотник – человек, который научен дисциплине и послушанию, который живет внутри иерархии, имеет над собой начальников, под собой подчиненных, и он прекрасно понимает, что должен слушаться начальника, как и его самого слушаются его подчиненные, а Господь – главный над всеми, и Его слушаются все.

Иерархия – слово очень важное для нас. Почему? Потому что всё возглавлено, нет ничего не возглавленного в мире, даже в ЖЭКе над метлой должен быть начальник. Нет никого такого в человеческом роде, кто бы кому-то не подчинялся, перед кем-то не отвечал.

Святитель Николай Сербский сказал удивительные слова: «Когда люди имеют любовь, они не думают о справедливости». То есть когда люди любовь теряют, их жарко волнует справедливость. А справедливость понимается в категориях равенства. И я хочу того, кто выше, стащить вниз, а самому, может быть, подняться наверх. Хочу, так сказать, лестницу мироустройства выпрямить в прямой отрезок. Лестница – тоже богословское понятие. Иаков спал и видел лестницу – от земли до неба, и ангелы Божии восходили и нисходили по ней, Господь же утверждался на ней. А преподобный Иоанн Лествичник написал книгу о восхождении, где по ступенькам не прыгают, где постепенно, шаг за шагом идут по ступеням божественного озарения и практического освящения. Причем идут по очередности, то есть сначала конкретно первая ступень, потом конкретно вторая и так далее – и местами эти ступени не меняются.

И заповеди Божии даны иерархично: первая, вторая, третья, четвертая, пятая, шестая, седьмая… – до десятой, они связаны между собой логически, перетекая одна в другую, начиная от самой главной. Головная заповедь – это знак Бога, а дальше уже постепенно умножаются нравственные понятия. Заповеди блаженств тоже даны не спутанно, а иерархично, а именно – как лестница перехода от одного к другому. А заканчиваются: «…таковых есть Царство Небесное». Всё сделаешь – будешь изгнанным правды ради, потому что мир выгонит того, кто обличает его своим святым житием.

Всюду должна быть иерархия, и реальность земная копирует реальность небесную. О небесной иерархии мы читаем у Дионисия Ареопагита и у апостола Павла. Ангелы не все сбиты в стадо, ангелы подобны войску, а войско имеет военачальника и потом тысячников, десятников, сотников и так далее. Армия любая – это иерархическая структура. Мы имеем небесное воинство, и Господь – Царь небесного воинства; кстати, Он так и зовется – Саваоф, то есть «Господь воинств». А если воинство, значит, воинские звания и иерархия. И есть девять ангельских чинов: Ангелы, Архангелы, Начала, Власти, Силы, Господства, Престолы, Херувимы и Серафимы. Они не меняются местами, каждые совершают свое особое служение, каждые находятся в послушании высшему и все вместе служат Богу.

Лествица прп. Иоанна. Древнерусская икона сер. XVI в.

Демонский мир тоже иерархичен. Он является перевертышем настоящего, светлого мира. И тут есть страшные начальники – бесовские князья, которые, как, скажем, воры в законе, командуют шавками и сявками. Есть просто хулиганистые такие мелкие бесы, которые совершают всякие пакости и гадости, не способные перевернуть полмира. Так что и там есть своя гадкая иерархия – именно иерархия, причем из житий святых мы знаем, как старшие бесы, например, безжалостно избивают и наказывают младших, а те, в свою очередь, еще младших. Такая тюремная иерархичность, построенная не на любви, а на страхе наказания. Но они тоже знают своих старших. Это перевертыш ангельский. Светлый, ангельский, восходящий вверх мир и темный ангельский, восходящий вниз – они в полной мере отражены в нашей жизни. Совершенно справедливо Данте изображает ад тоже ступенчатым – воронкой, закручивающейся книзу, уменьшающейся и доходящей до точки, где во льду, в ледяном озере Коцит замерз сатана. Эти ступени идут от верхних кругов, где мучаются за грехи полегче, потом – те, чьи грехи всё тяжелее и тяжелее, и наконец клятвопреступники, предатели, диаволопоклонники и сам начальник всякого зла. Это абсолютно богословски правильно данная идея, выраженная художественными формами. Кстати говоря, эта бессмертная дантовская трилогия названа «Божественная комедия», но в ней нет ничего смешного: в средние века комедией называлось произведение, в котором хороший конец, в котором герой не гибнет. В трагедии герой гибнет, а в комедии – нет. Вот, собственно, и вся комедийность, а там смеяться не над чем, там кошмары. Это целая энциклопедия средневековой жизни. Так вот: и там, и там, и там, и там – везде есть иерархия.

Что наша человеческая жизнь? Человеческая жизнь, по мысли богословов, должна отображать ангельскую иерархию, и в этом смысле должны быть старшие. Должны быть ангельские начальники, должны быть помощники пониже, пониже, до самого простого человека, который может быть ангелом. Как говорится, я еще не волшебник, я только учусь, но Бог помогает мне делать самые настоящие чудеса. И каждый человек может быть этим меньшим из ангелочков, постепенно восходя от силы в силу. И в Писании сказано: «Идущим от силы в силу явится Бог богов сил» (ср.: Пс. 83, 8). Такова духовная цель нашей жизни. Нужно уважать старших, не стремиться занять их место, занимать свое место и выполнять то, что нужно, до тех пор, пока десница Божия не поднимет тебя на более достойное место. Как в Притчах Господних: сядь пониже, потому что лучше, когда скажут тебе: «Друг, сядь повыше, ты достоин быть здесь» (ср.: Притч. 25, 7). Это именно возведение человека со смиренного места на место более достойное.

Бесовская иерархия тоже присутствует в нашей жизни. В преступных сообществах ярче всего это видно или в каких-нибудь других полукриминальных и криминальных отношениях, где есть старшие паханы-начальники, где есть какие-то князья, мало кому видимые и знаемые, имени которых трепещут, и где есть, так сказать, «шестерки» и сявки, которые выполняют самую грязную и поганую работу. Это тоже иерархия, но это, конечно, невеселая иерархия. Но и она доказывает неизбежность иерархичности мира.

И вот на что хочу обратить внимание: мы, люди, думаем и имеем сердечные основания полагать, что это правда, будто высшие ангелы не гнушаются делать работу меньших. Вот меньший работу большего делать не может, потому что не способен к этому, а больший работу меньшего делать может. Это очень красивый принцип. Говорят, в Грузинской Церкви (я слышал это от многих и думаю, что так и есть) священник может при отсутствии диакона, в виде исключения, надеть диаконское облачение и служить службу с орарем, а не с епитрахилью – то есть совершать служение меньшего. Или совершать служение пономаря или чтеца. Конечно, чтец не может быть диаконом – снизу вверх подняться нельзя без достойного рукоположения; и диакон не может священническую службу служить. Но высший может спуститься вниз и совершать служение низшего. Как, например, человек, стоящий у станка, не может занять место директора, но директор, если он в свое время на станке работал, может дать урок мастерства – снять пиджак, надеть халат и очки и показать, как правильно затачивается та или иная деталь. Высший к низшему снисходит, низший к высшему не поднимается, так как нет у него для этого природного ресурса, – вот так иерархия действует по законам любви.

Высший, не бойся делать работу низшего! Находящийся наверху, не бойся брать в руки метлу, кайло, отвертку… Не бойся! Тебя не оскорбит работа низшего. А ты, низший, уважай высшего и не дергайся, потому что люди, восстающие против начальств, против властей, против тех, кто над ними, дерзко оскорбляющие начальство, как говорится у апостола, – это люди, имеющие сатанинский дух. Они не желают слушаться, они самоуверенны, они считают, что достойны большего, они не любят никого, кто выше их. И они стараются, так сказать, поколебать вселенную, возбуждая в себе и в окружающих ненависть к тем, кто выше. Зависть – это мерзкое чувство, родоначальница всех революций и потрясений, мать всех убийств. Зависть сбросила диавола с небес на землю, зависть дала камень в руки Каину против Авеля, зависть – мать всех злодейств в роде человеческом. И эта зависть как раз и проявляется в нежелании слушаться старшего, в нежелании уважать поставленных над тобой.

Почитание находящегося выше столь естественно и необходимо, что даже в эпоху языческих царей апостолы требовали этого от учеников своих. «Всех почитайте, братство любите, Бога бойтесь, царя чтите», – говорит апостол Петр (1 Пет. 2, 17). Апостол Павел писал, что он желает, чтобы на всяком месте святые мужи воздевали непорочные руки в молитве – в том числе и за тех, которые во власти. А во власти, то есть императором, напомню, тогда был Нерон. Как видим, молитва о негодяе, сидящем на троне, не смущала апостола Павла, потому что он понимал: Римская империя сама по себе есть божественное попущение и домостроительство спасения. И этот порядок, воцарившийся на огромной части вселенной, есть дело Божие. А порядок должен быть возглавлен. На престоле в Риме сидит царь, у него есть кесари подвластные по провинциям, прокураторы, префекты, различные начальники областей, командиры легионов, и вся эта стройная структура существует для того, чтобы люди не съедали друг друга, как рыбы в море. В древности евреи говорили: живи там, где исполняются законы. То есть если придется тебе потерять землю отцов и жить в изгнании, старайся жить там, где исполняются законы. Потому что, если у людей закона нет, получается то, что написано в книге одного из малых пророков: «Нечестивец поглощает того, кто праведнее его… люди, как рыбы в море, как пресмыкающиеся, у которых нет властителя» (ср.: Авв. 1, 13-14). В море рыба большая глотает ту, что поменьше. Они, рыбы, заняты постоянным шнырянием по пространству глубин моря для того, чтобы заглотнуть того, кто меньше тебя размером. Это, собственно, и есть жизнь морских животных: съесть того, кто меньше тебя. Так вот, чтобы не было так в человеческом роде, нам нужны законы. Законы должны исполняться – и исполняться иерархически: сверху донизу и снизу вверх, как те ангелы, что восходили и нисходили по лестнице Иакова, которую увидел во сне праотец.

Пару слов, друзья мои, о практике. Найдите свое место в жизненной иерархии. Кто вы дома? Вот вы – муж, вы в семье – самый старший. И когда разливает мать суп за обедом, то первая тарелка – отцу. Обязательно! Первый кусок – отцу. Не потому, что он самый лучший, а потому, что так Бог приказал. Когда одного мудреца спросили: «Если болеют и мать, и отец и оба просят воды, кому первому подать?», он отвечал так: «Подай сначала отцу, потому что если бы была здорова мать, то она побежала бы сама к нему со стаканом воды, она сама согласна с тем, что ему первому: он старший». Жена подчиняется мужу, и это сохраняется и тогда, когда они оба уже беспомощны. Это закон иерархии.

Окончание в следующем номере

«Райские хутора»
и другие рассказы
священника Ярослава Шипова

Окончание. Начало в №20 (308)

Пеликан

В дельте Волги, где нет уже почти никакой тверди, только тростник да камыш, встречаются иногда весьма загадочные персонажи, род отшельников. Судьбы их, вероятно, различаются степенью витиеватости, однако объединяет всех этих людей способность обходиться без человеческого общения, что, согласитесь, не может не вызывать определенного интереса. Ведь если внимательно присмотреться, человеческое общение и составляет самое дорогое удовольствие на земле. Впрочем, платить за него приходится и самыми большими скорбями.

Лишь прямое, непосредственное общение с Господом не приносит скорбей, но для обретения такой благодати нужна вера, не колеблемая никакими ветрами. Благословенна участь подвижников, достигавших таких высот: им открывалось счастье полного, безграничного всепонимания. Скорбеть при этом оставалось разве что о своей неизбывной греховности.

Однако среди местных пустынножителей едва ли случился хотя бы один, подвизавшийся на ниве духовного делания. Обычно они попадали сюда не от возвышенности интересов, а из-за чрезмерной горемычности жизненного пути и, как правило, вопреки собственным устремлениям.

В сонме пустынножителей, селившихся в разные времена на крохотных островках волжской дельты, Николай Николаевич занимал особое место. Начать с того, что он был человеком весьма образованным. Имел семью, преуспевал на трудовом поприще, и ничто не предполагало его перехода на путь строгой аскезы. Переход этот между тем совершался. Медленно, незаметно, но неуклонно. Сначала закрылось предприятие, где Николай Николаевич работал корабельным конструктором, и вместо жалования ему предложили вагончик, брошенный в прикаспийских плавнях. Потом он вышел на пенсию. Потом оформил залежалый развод и расстался с женой. В ту пору он уже стал проводить на острове недели и месяцы. Наконец женился сын, привел сноху, которая сразу же стала жаловаться на тесноту в доме. Ранней весной Николай Николаевич оттолкнул от берега старенькую моторку и возвратился лишь в ноябре. Спустя четыре месяца снова уехал. К этому времени остров стал для него землей сокровенной, землей, где вершилось его уединение.

Поначалу он переносил одиночество легко: ловил рыбу, причем ловил только любительскими снастями, не признавая ни сетей, ни переметов, ни других промысловых премудростей, – отдыхал, словом. Иногда заезжали туристы с рыболовно-охотничьих баз, покупали копченую и вяленую рыбешку. Трофейные экземпляры сам отвозил на ближайшие базы, где их приобретали знатные столичные спиннингисты, чтобы сфотографироваться для глянцевых рыболовных журналов. Так что и уединение было щадящим. Потом, однако, однообразие этих занятий наскучило, он почти перестал выезжать к людям и впал в уныние.

Как-то инспектор рыбоохраны привез ему черненькую собачонку. «У нас, – говорит, – на посту расплодилось их – не сосчитать, а тебе сторож пригодится». – «Как зовут-то хоть?» – «Черныш. Но и на Белянку отзывается».

Потом пограничники подарили кошечку: маленькую, пушистую, рыжую, хвост трубой. Звали Муськой. «Чтоб мышей не было». – «Да откуда же у меня мыши, если остров по весне водой заливает?» – «Мало ли? Вдруг летом приплывут?»

Так вот и стали жить втроем. Собачка была добрая-предобрая и, вероятно, по расхожим представлениям умная: «Сидеть!», «Лежать!», «Голос!» – все выучивала, но для проникновенного общения этого было недостаточно.

– Что с тебя взять? – говорил Николай Николаевич. – Пес – ты и есть пес, существо зависимое, несвободное, и все соображение твое – тоже зависимое. Вас считают умными лишь потому, что вы привязчивы и команды выполняете.

Муська хоть и принадлежала, по мнению Николая Николаевича, к существам вольной жизни и свободного разума, однако была барышней: с ней о чем ни заговори, сразу просит спинку погладить и за ухом почесать.

И тут случилось событие, решительным образом изменившее жизнь всех поселенцев: на остров взошел пеликан. Вышел из воды и замер на краю суши. Черныш подбежал, чтобы облаять грандиозную птицу, но получил удар такой силы, что отлетел под вагончик. Заглядывая в будущее, надо сказать, что удар могучего клюва, пришедшийся точно в лоб, придал характеру Черныша благостную раздумчивость, не оставлявшую его до конца жизни. Увидев, какой конфуз случился с собакой, Муська не стала испытывать судьбу и рассматривала пеликана с некоторого отдаления.

– Оставьте его, ребята, – сказал хозяин. – У него крыло повреждено, летать, наверное, не может.

Так и было: летать пеликан не мог. Он, конечно, мог плавать и ловить рыбу. Однако течение постепенно сносило его все ниже и ниже, и когда принесло к последнему островку, пришлось выбраться из воды, потому что без крыльев в море – погибель.

Несколько дней птица простояла в углу, изредка сходя с берега, чтобы, по всей вероятности, смочить перья. Николай Николаевич специально наловил мелких окуньков – пеликан, склонив голову, внимательно изучил подарки, но есть не стал. Отказался он и от каши, и от лепешек. «У нас больше ничего нет», – развел руками Николай Николаевич. Пеликан пристально посмотрел на него снизу вверх желтым глазом и осторожно сполз в воду. Поплескавшись, разинул клюв: в мешке трепыхался сазанчик. «Такой рыбалки я еще в жизни не видал», – сказал Николай Николаевич.

Пеликан – птица для здешних краев обычная, но малочисленная – не то что лебеди. Однако, в отличие от лебедей, это нескладное на вид существо пользуется у местных жителей непреложной симпатией. Так что новый островитянин был принят человеком в высшей степени благодушно и с необыкновенной легкостью нашел свое место в непривычном для него общежитии: кошку надо было кормить свежей рыбой, собаке варилась уха, а пеликан добывал себе пищу сам. Еще и делил трапезу с Муськой. Если рыбалка не задавалась, он, напротив, деликатно таскал провиант у нее из-под носа.

А еще он знал одну весьма увлекательную игру: подцепит клювом с земли какую-нибудь щепку или веточку и бросает тебе. Ты в ответ должен совершить нечто подобное. У Муськи и Черныша не складывалось, а Николай Николаевич освоил. Особенно после того, как пеликан нашел в тростнике пенопластовый поплавок от сетей размером с теннисный мяч – как раз под ладонь человеку. Правило игры было простое: кто уронит поплавок – тому гол. В первые дни Николай Николаевич побеждал, но потом пеликан научился применять финты – обманные движения клювом, и ситуация стала выравниваться. Возможно, он достиг бы и больших высот мастерства, но Черныш утащил пенопластовый мячик и изгрыз его.

Тогда пеликан придумал новую игру – в шутку пугать зверей: растопырив крылья, он с шипением набрасывался то на кошку, то на собаку и угрожающе разевал клюв. Муська спокойно подставляла хвост или голову, и пеликан, не защелкивая клюв до конца, только гладил ей шерстку. Черныш делал вид, что очень боится, и с восторженным лаем носился по острову, время от времени сверзаясь в воду.

В город приходилось путешествовать почти каждый месяц: сначала пятьдесят километров по реке до поселка, потом на автобусе до Астрахани. Получив пенсию, Николай Николаевич возвращался в поселок, закупал продукты, бензин и отправлялся на остров. В одну из таких поездок, случившихся на исходе лета, он заглянул домой и обнаружил, что его комната переоборудована под детскую, а в шкафу висят женские платья. Свою одежду он нашел в мешке на балконе. Хотел позвонить сыну на работу, но махнул рукой: «Что воспитал, то и получил».

Вернувшись, долго разгружал лодку, потом сел на ступеньки вагончика и, когда рядом собрались все насельники, объявил: «Зимовать будем, друзья мои». Друзья, думается, не поняли... И началась подготовка к зимовке. Первым делом Николай Николаевич соорудил скотный двор: вагончик был на колесах, и пространство под ним следовало укрыть. Для этого был привезен рулон металлической сетки и морозостойкая пленка. Закончив работу, он сказал: «Привыкайте, это ваш дом». Потом занялся заготовкой дров: выезжал на рыбалку с бензопилой и всякий раз добывал немного сухой древесины. Наконец выкопал яму и поставил в нее пару специально приобретенных пластмассовых бочек: «Будем рыбу солить про запас: кто его знает, что мы тут зимою наловим». А еще договорился с деревенскими рыбаками, и они привезли ему воз соломы – надо же было чем-то застелить скотный двор. Осень прошла спокойно. Николай Николаевич до конца ноября занимался дровами и рыбой, и, как выяснилось, не зря: зима, против обыкновения, оказалась затяжной и холодной.

В январе, когда температура внезапно упала до тридцати, он забрал всех зверей в вагончик. Пеликан с Муськой спали на нарах, Черныш – на заиндевелом полу. А Николай Николаевич всю ночь подтапливал маленькую буржуйку, тепла которой не хватало на ветхое сооружение. Под утро и он уснул. Сквозь сон слышал шум вертолета, но ни сил, ни желания снимать с груди Муську и отодвигать согревавшего бок пеликана не было. Разбудил Черныш, скуливший у двери. Николай Николаевич сразу почувствовал, что печка погасла. Снаружи было белым-бело: и деревья, и тростники, и вагончик, и остров – все было покрыто слоем плотного, колючего инея. Белой была и протока: ее наглухо укрыла шуга.

Черныш, стоя на краю острова, вглядывался в даль и задумчиво поскуливал, словно бы вполголоса напевал. Николай Николаевич отнес в вагончик охапку дров, растопил печку, еще раз сходил за дровами; Черныш не шевелился. «Там база, – сказал хозяин, – километрах в пяти-шести. На базе – Жулька. Собачка она симпатичная: с тебя ростом, лохматая-прелохматая. Как о матери я слышал о ней только самые лестные отзывы… Но если ты просидишь в размышлениях еще пару дней, лед может растаять и тебе отсюда не выбраться. Так что ступай, добежишь. Сторож бывал у нас, знает тебя, сразу не выгонит, а я потом за тобой заеду – ты ведь там никому, кроме Жульки, не нужен». Исполнив еще несколько сладостных песнопений, пес в задумчивости ступил на лед и через торосы шуги, оскальзываясь, перебрался на другой берег.

Еще двое суток просидели они на нарах, греясь друг возле друга, потом потеплело, восстановилась обычная астраханская зима, когда легкие и недолгие заморозки чередуются со столь же легкими оттепелями.

А за Чернышом ездить не пришлось: его на катере доставили пограничники. Начальник заставы осмотрел остров, зверинец, жилище, угостился ушицей, попил чайку и рассказал, что с патрульного вертолета, летавшего над плавнями в самый мороз, не обнаружили над вагончиком дыма, и потому было решено срочно проведать остров. А когда на рыболовной базе пограничникам сдали Черныша, они и вовсе встревожились.

– Мы, – говорит, – взяли его с собой как розыскную собаку, на всякий случай, мало ли…

Николай Николаевич понял, что этот вертолет и пролетал над ними, когда он уснул и печка погасла.

– Но я, конечно, надеялся на лучшее, – сказал офицер, и в подтверждение его слов солдаты принесли с катера ящик тушенки и огромную коробку с чаем, сахаром, печеньем и пакетами какой-то крупы. Еще он сказал, что жена давно хотела красивую кошечку и Муська ей непременно понравится.

– Забирайте, – согласился Николай Николаевич, – она уже взрослая, пора в свет выводить. Когда принесет потомство – мне, пожалуйста, котика.

...Весна выдалась спокойная, теплая, вода поднялась ненамного – даже скотный двор остался сухим. Выйдя однажды из вагончика, Николай Николаевич увидел нескольких пеликанов, плававших неподалеку от острова. Подранок, расправив крылья, стоял на краю земли и смотрел на них, а Черныш разглядывал то чужаков, то своего приятеля и даже не лаял. Заметив человека, стая неспешно тронулась вниз по течению.

А через неделю, вернувшись с рыбалки, Николай Николаевич и вовсе не обнаружил птицы. Стал допрашивать Черныша, но тот погрузился в раздумчивость такой глубины, что на вопросы не реагировал. «Не мог он бросить нас, не попрощавшись, не мог! – твердил Николай Николаевич. – Мы – земные, а он – другой, он не мог!»

И в это время огромная белая птица, раскинув крылья, бесшумно слетела на остров. «Я знал! Я верил!» – говорил человек, опускаясь на колени, чтобы обнять птицу. Пеликан положил голову ему на плечо, клюв – на спину и, похоже, пытался прижать человека к себе.

– Прощай, брат, – шепнул Николай Николаевич, – если что не так, ты уж прости!

Он встал. Пеликан, сделав несколько неуклюжих шагов, легко оторвался от тверди, без видимых усилий взмыл над тростниковыми зарослями и исчез. В это мгновение Николай Николаевич совершеннейшим образом осознал, что остался один и что так будет до конца дней.

Дальнейшая его жизнь потекла уравновешенно и почти бесстрастно. Пожалуй, лишь одно малое изменение со временем прибавилось в ней: Николай Николаевич полюбил смотреть на небеса – облака мог наблюдать долго-долго. Он не знал, что это душа просилась домой – тосковала по своим небесным обителям.

Отечник

Были в Киево-Печерской Лавре два брата по духу: диакон Евагрий и священник Тит. И имели они друг к другу любовь великую и нелицемерную, так что все дивились их единодушию и безмерной любви. Ненавидящий же добро диавол, который всегда ходит «...как рыкающий лев, ища, кого поглотити» (1 Пет. 5, 8), возбудил между ними вражду, и такую ненависть вложил он в них, что они уклонялись друг от друга, не хотел один другого видеть в лицо. Много раз братия молили их примириться между собой, но они и слышать не хотели. Когда Тит шел с кадилом, Евагрий отбегал от фимиама; когда же Евагрий не отбегал, Тит проходил мимо него, не покадив. И так пробыли они много времени в греховном мраке, приступали к Святым Тайнам: Тит, не прося прощения, а Евагрий, гневаясь, – до того вооружил их враг.

Однажды Тит сильно разболелся и, будучи уже при смерти, стал горевать о своем прегрешении и послал к диакону с мольбой: «Прости меня, ради Бога, брат мой, что я напрасно гневался на тебя». Евагрий же отвечал жестокими словами и проклятиями. Старцы, видя, что Тит умирает, насильно привели Евагрия, чтобы помирить его с братом. Увидев его, больной приподнялся немного, пал ниц к его ногам и сказал: «Прости и благослови меня, отец мой!» Тот же, немилостивый и лютый, отказался простить в присутствии всех, говоря: «Никогда не примирюсь с ним, ни в этом веке, ни в будущем». И вдруг Евагрий вырвался из рук старцев и упал. Его хотели поднять, но увидели, что он уже мертв. И не могли ему ни руки вытянуть, ни рта закрыть, как у давно умершего. Больной же тотчас встал, как бы никогда и не был болен. И ужаснулись все внезапной смерти одного и скорому выздоровлению другого. Со многим плачем погребли Евагрия. Рот и глаза у него так и оставались открытыми, а руки растянутыми. Тогда старцы спросили Тита: «Что все это значит?» И он рассказал: «Видел я Ангелов, отступавших от меня и плачущих о моей душе, и бесов, радующихся моему гневу. И тогда начал я молить брата, чтобы он простил меня. Когда же вы привели его ко мне, я увидел Ангела немилостивого, держащего пламенное копье, и когда Евагрий не простил меня, он ударил его и тот упал мертвый. Мне же Ангел подал руку и поднял меня». Услышав это, убоялись братия Бога, сказавшего: «Прощайте, и прощены будете» (Лк. 6, 37).

Православный календарь

4 сен., вс. – Неделя 11-я по Пятидесятнице. Попразднство Успения Пресвятой Богородицы. Мч. Агафони́ка и иже с ним. Прп. Исаакия I Оптинского. Сщмч. Афанасия еп. Тарса Киликийского, прп. Анфусы и слуг ее, мчч. Харисима и Неофита. Мц. Евлалии девы. Грузинской иконы Божией Матери. **Собор Московских святых.**

5 сен., пн. – Отдание праздника Успения Пресвятой Богородицы. Сщмч. Иринея, еп. Лионского. Прпп. Евтихия и Флорентия. Свт. Каллиника, патриарха Константинопольского. Сщмчч. Ефрема, еп. Селенгинского, Иоанна пресвитера и мч. Николая.

6 сен., вт. – Перенесение мощей свт. Московского Петра́, всея России чудотворца. Сщмч. Евти́хия, ученика ап. Иоанна Богосло́ва. Прп. Арсе́ния Коме́льского. Мч. Татиона. Мц. Сиры, девы Персидской. Равноап. Космы Этолийского. Прмч. Серафима.

7 сен., ср. – Перенесение мощей ап. Варфоломе́я. Ап. от 70-ти Ти́та, еп. Критского. Свт. Мины, Патриарха Константинопольского. Свтт. Варсиса и Евлогия, епископов Едесских, и Протогена, еп. Каррийского, исп. Прмч. Моисея. Сщмч. Владимира.

8 сен., чт. – Мчч. Адриа́на и Ната́лии. **Сре́тение Владимирской иконы Пресвятой Богородицы.** Блж. Марии Дивеевской. Еле́цкой иконы Божией Матери.

9 сен., пт. – Прп. Пи́мена Великого. Прп. сщмч. Ку́кши, ученика его прмч. Ни́кона и прп. Пи́мена постника, Печерских, в Ближних пещерах. Мц. Анфисы Новой.

10 сен., сб. – Прп. Моисе́я Му́рина. **Собор преподобных отцов Киево-Печерских, в Дальних пещерах почивающих.** Прп. Са́ввы Кры́пецкого, Псковского. **Обре́тение мощей прп. Йова Поча́евского.** Прав. Анны пророчицы, дщери Фануилевой.

Еженедельное издание церкви Покрова Пресвятой Богородицы г. Тирасполь. Главный редактор – настоятель храма архимандрит Василий (Карпов). Наш адрес: г. Тирасполь, ул. Кутузова, 201. Тел.: (533) 2-46-97. Сайт: http://pokrovka-tiras.narod.ru/

Набор и верстка – на оборудовании редакции. Отпечатано в полиграфическом предприятии ООО «Теслайн» по адресу: г. Тирасполь, ул. Ленина, 7. Объем – 1 печатный лист. Тираж – 120 экз.

Уважаемые читатели! Просим вас не использовать газету в бытовых и хозяйственных нуждах! Да благословит вас Господь!